

Лет десять назад, когда я готовила большое интервью со Львом Лещенко в один из популярных журналов, он поразил меня своей серьезностью, начитанностью и склонностью к философскому осмыслению действительности. Поэтому идя к нему на интервью на этот раз, я прихватила с собой в компанию Гегеля с Эпикуром. Да-да, тех самых. Лещенко это не испугало. Кавалер Почетного Золотого знака «Общественное признание» народный артист России, член Совета попечителей Московского Английского клуба легко вступил с ними в разговор, при этом чаще оспаривая их утверждения, чем соглашаясь.

Лев ЛЕЩЕНКО:

«В ЖИЗНИ НЕЛЬЗЯ ПЛЫТЬ ПО ТЕЧЕНИЮ»

– «Все происходящее – лишь результат случайности», – считал Гегель. Если с этой точки зрения посмотреть на Вашу жизнь, это действительно так?

– Нет. Я не согласен. Конечно, в жизни происходит очень много случайного, но, скажем так, к своей профессии, к своей карьере я шел целенаправленно, начиная со второго класса школы, когда поступил в детский хор под управлением известного хормейстера. И уже с третьего класса я начал не просто петь, а даже записываться на радио. То есть я уже тогда был одержим этой идеей и абсолютно убежден в том, что мне суждено было родиться певцом. Потом, правда, на какое-то время это все заглохло, точнее даже

сказать, что я стал терпеть фиаско. Первое фиаско у меня было в школе, когда я не смог спеть а капелла, потому что не попал в тональность, и, не допев песню, ушел со сцены и сказал, что больше не буду петь никогда в жизни. Потом первое мое поступление в ГИТИС, когда меня выкинули буквально с первого тура, потому что я не был готов тогда профессионально. Второй раз, когда меня опять выбросили из ГИТИСа, но уже с третьего тура, я пошел работать в Большой театр, хотел посмотреть изнутри, что это за профессия такая, каковы взаимоотношения артиста и режиссера. С большим интересом я наблюдал великих мастеров сцены – Покровского, Завадского, Ансимова, моего будущего педагога.

мои разбились. Такая страшная фатальность в 72 году... Или в 71 году за неделю до отъезда меня отстранили от поездки на конкурс в Сопот, потому что решили, что лучше послать туда женщину, а в результате она не получила никакой премии, а я поехал туда на следующий год и выиграл первую. То есть линия судьбы, карма у каждого человека, наверное, все-таки есть. Поэтому я никогда не форсирую события и искусственно ничего не выстраиваю: вот как оно идет по жизни, так и идет. Как только начинаешь делать какие-то телодвижения, обязательно что-то происходит.

– То есть Вы сторонник того, что надо сопротивляться и грести против течения?

– Смотря в чем. В жизни нельзя плыть по течению. Есть профессия. Это то, что позволяет нам найти, как раньше говорили, «радость в общественно-полезном труде». А в своей профессии надо достигать высот, преодолевать какие-то рубежи. Если мы не будем к этому стремиться, то станем ремесленниками, а в творчестве нельзя быть ремесленником. Искусство – это современное ощущение жизни. Настоящее искусство. А ремесло – это то, что делается повсеместно, ежедневно, без особых изысков и тонкостей, без особой выдумки, романтики. Но что касается жизни, а не профессии, я считаю, что есть судьба. И ей бесполезно сопротивляться. Скажем, я никогда не меняю билет на самолет, поезд: летим-ле-

тим, едем-едем. Если я опаздываю – я не бегу, придерживаюсь народной мудрости: что ни делается – все к лучшему. Это мой принцип. Никогда ни о чем не сожалею: отменился концерт – значит так должно быть.

– А что для Вас необходимость?

– Необходимость? Много. Прежде всего – работать интенсивно, быть заряженным на процесс активного действия. Необходимость – общение с моими друзьями и теми, кто меня может каким-то образом развивать. Потому что любое общение дает что-то для души, для мозга, оно просто так, бесследно не проходит. Даже случайная встреча на улице с незнакомым человеком в подсознании каким-то образом отложится. Я уж не говорю о том, какая это роскошь пообщаться с большим художником, артистом, финансистом, бизнесменом. Это непреходящее, это опыт, это эмпирика, которая и создает современное ощущение жизни. Если ты не будешь жить в этой жизненной схеме, то очень быстро превратишься в скучнейшего человека.

Я, например, обожаю общаться с молодыми людьми. Это то, что заряжает тебя, ты чувствуешь себя помолодевшим. Я лет девять преподавал в Гнесинском институте на эстрадном отделении. До тех пор, пока у меня были хорошие студенты, которые развивали меня в каком-то смысле – в плане эмоций, нового восприятия окружающего мира. Эти новые ощущения давали мне подпитку.

То есть никакой случайности в моем выборе профессии быть не могло. Случайность – это то, что определяет сегодняшнюю жизнь. Вот здесь полно случайностей: девушка случайно встретила парня, понравилась ему, записала на его деньги одну песню в течение двух дней по фразе, сняла клип и случайно появилась на экране. И так же случайно исчезла. Потому что все, что делается второпях, на скорую руку, никогда не дает результатов.

Хотя какие-то случайности в моей жизни все-таки есть... В известной степени я фаталист. У меня была масса всевозможных событий, которые переворачивали мое мировоззрение. Скажем, я случайно не полетел на самолете, а музыканты

Еще одна необходимость для меня – заниматься спортом. Я должен сделать гимнастику, подтянуться, отжаться, и если я встал на весы и увидел там несколько лишних килограммов, значит я должен увеличить нагрузку, чего-то не съест. Если я вдруг не смог отжаться 20-25 раз, я говорю себе: «Всё, мужик, ты слабеешь, давай, занимайся! Это необходимость».

– А вот Эпикур считал, что необходимость есть бедствие...

– Ну, что ж... По-моему, он, как и Гегель, ошибался. Кто такой Эпикур? Он радовался жизни, был созерцателем, для него весь мир представлялся не в освоении пространства, а в потреблении всего того, что давала на тот момент цивилизация. То время выдвигало ведь совсем другие требования к личности. А ведь именно личность определяет состояние общества. Почему у нас не получается гражданское общество? Потому что личностей не хватает! А почему жизнеспособна схема построения, скажем, американского общества? – Есть личности, которые хотят видеть это общество таким: от личного, частного – к общему. А мы строили нашу жизнь всегда наоборот: от общего к частному. В результате у нас никогда не было личностей. «Раньше думай о Родине, а потом – о себе»... Глупость, понимаете? Никогда не будет Родины, если не будет личностей. Мы только сейчас начинаем понимать, что главное – это человек. Я, например, поражен тем, что сейчас растут совершенно другие дети – они задают вопросы, которые мы не задавали. Ну, скажем такой: а почему я должен делать это? Мы не спрашивали, мы знали – потому что так велела Родина, партия, комсомол. А сейчас нет этих ориентиров. И я должен это делать совсем по другой причине – по осознанию полезности этого для себя. Но мне полезно жить в гражданском обществе. И я должен это осознать. Это та самая осознанная необходимость, к которой необходимо прийти в своем сознании. Но для этого я должен быть сформировавшимся человеком в плане нравственном, духовном, моральном. Чтобы я сам мог верно определять – что я могу, а что не могу. А запреты, не безудержная свобода должны определять это. Должна быть своя собственная планка. Это очень сложный вопрос. Но вот когда мы приходим к этому состоянию – что необходимо (а не обязаны!) трудиться, что нужно приносить пользу обществу, но в том числе и себе, вот когда мы сможем все это сбалансировать – личное и общественное, – тогда, я думаю, мы сможем развиваться как цивилизованное государство.

– Что для Вас стало источником больших радостей – необходимое или случайное?

– Думаю, первое. Вот я добивался поступления в институт – это была необходимость – и когда узнал, что зачислен, – это была безумная радость. Найти кошелек на дороге или заработать большие деньги – это разные вещи. Думаю, зара-

ботать – больше радости, потому что я приложил к этому труд.

– А какого рода случайности чаще поджидали Вас – счастливые или несчастливые?

– Думаю, что несчастливые. Счастливая случайность – она на грани какого-то поиска. Наверное, человек к ней каким-то образом идет – путем проб и ошибок, упорной работы – и вдруг – удача! Но она же – итог всего предыдущего. То есть я не отношу случайность радости к случайному, а скорее как к результату собственных действий. А вот негативных случайностей, конечно, не ждешь, и в этом смысле можно согласиться с Цицероном, который считал, что нет ничего более противного разуму и природе, чем случайность.

– Что Вы помните дольше – плохое или хорошее?

– Когда начинаешь вспоминать прошлое, значит наступает старость. Я живу будущим. Только грядущим. Хотя, если я вспоминаю, то только хорошее. А зачем опять ворошить негативные эмоции, которые разбивают сердце, которые будоражат наше сознание?

– Какой необходимости Вы хотели бы или Вам удается избегать?

– Необходимости выяснять отношения. То есть делать какие-то движения в сторону разрешения проблем, от которых завишу не только я. Терпеть не могу попадать в конфликты, а приходится. Скажем, я сейчас с большим трудом набираю теле-

Если они будут благоденствовать, то это будет неправильно. А обычному миролюбивому, доброму, сердечному человеку конфликты не нужны.

– Необходимость быть в творческой форме требует от Вас больших усилий?

– Я настолько уже слился со своей профессией, что, скажем, немного сил и времени затрачиваю на запись песни в студии. Я пишу два-три дубля – и у меня все получается, в то время как некоторые молодые исполнители, которые немощны в творческом, профессиональном плане, пишут песню по два дня и мучаются. Так что в этом плане поддерживать творческую форму для меня легко. А вот необходимость заставить себя держаться в форме, не жрать ничего, или есть какую-то траву или нелюбимые мною овощи – вот это определенный труд.

– Вы чувствуете необходимость как-то поддерживать свою популярность или Ваше имя уже давно работает на Вас?

– Это необходимость, о которой постоянно болит голова, потому что мне очень хочется реализовать то, что я сделал. Например, мне хотелось, чтоб как можно больше людей смогли увидеть мой сольный концерт, который, я считаю, просто явление на сегодняшней эстраде. Там «живой» большой оркестр, там прекрасные песни, там мои старые друзья-исполнители – Володя Макаров,

«На трибунах становится ти-и-ше...»

фон моего адвоката, чтобы опять вернуться к теме залития моей квартиры соседом, который просто совершил подлость, на год лишив меня жилья (мне пришлось снимать квартиру) и отказывается отвечать за свой проступок. И человек-то этот богатый, возглавляет одну из самых больших страховых компаний в нашем государстве и говорит о том, что надо беречь свое имущество. Вот это для меня совершенно жуткая ситуация, что я должен выяснять с ним отношения. Вот такой необходимости я хотел бы избежать. Хотя есть люди, для которых состояние конфликта является естественным – милиционер, прокурор, следователь – они всегда в состоянии конфликта по роду своей работы.

Лева Барашков, Люда Сенчина, Галя Ненашева, Олег Анофриев, Полад Бюль-Бюль оглы. Это дорогое, красивое шоу, и для меня просто необходимость – показать его людям. Спасибо, Российский канал нашел такую возможность и выделил эфирное время.

Ведь то, что я предлагаю каналу, нашло хорошую реакцию зрителя. Если я приезжаю в Нижневартовск, и восьмидесятичный стадион заполняется битком и они счастливы, что приехал Лещенко и поет сольный концерт, значит это – подтверждение. Вот такие подтверждения мне нужны. Если их нет, то значит тогда это ерунда.

– Чем заполнена Ваша жизнь сегодня?

– Перед нашей встречей разговаривал о сценарии, через полчаса еду сниматься в поддержку диализ-центра, в котором мы (я, Володя Винокур, наши друзья) являемся учредителями. Мы нашли финансирование для того, чтобы построить этот самый крупный диализ-центр в Европе в московской 20-й больнице. 36 аппаратов искусственной почки, представляете?! И вот сейчас я еду, потому что есть проблемы – у государства не хватает денег на его работу. А ночью я должен был вылетать на концерт в Казахстан, но все отложилось на день. Так что у меня много всего – и административные дела, и общественные, есть и маленький бизнес – несколько производств, в которых я принимаю участие как акционер. И в этом смысле, скажу честно, я хочу найти заработок, потому что учредителем нашего театра является министерство культуры, но оно не платит нам никаких денег. И я этому рад – да, мы ушли от дотации, мы на хозрасчете, но сейчас вышло новое положение, и я должен заниматься

конкретной помощью людям – вот недавно пришло письмо от одной бабушки, ей нужны деньги. Я иду в бухгалтерию, прошу снять со счета 4 тысячи рублей и отвезти их этой старушке. Или другое – мы делаем праздники для детей-сирот в Детском театре – покупаем билеты на спектакль, дарим подарки.

– Я знаю, Вы очень дорожите общественной наградой – Золотым Почетным знаком «Общественное признание»...

– Да, она более ценная и дорогая для меня, чем все мои награды. У меня есть орден Знак почета, орден Дружбы народов, три медали... Это все награды от старой власти, а вот от новой нет ни одной – хотя у меня уже были и юбилеи, и хорошие, потрясающие программы, и концерты. Я не прошу. Мне не нужно. Не все измеряется орденами или деньгами. А вот общественное признание... Если бы мне дали, скажем, премию в пять тысяч долларов, я меньше бы радовался, чем я получил маленький, крошечный значок «Общественное признание». Да, наверное, за эту награду я отдал бы все остальные! Ведь это люди, интересные, авторитетные люди, которые сами в этой жизни многого добились, сочли меня достойным общественного признания, поскольку я действительно что-то делаю для нашей страны, нашей Отчизны. Я не кичусь, но это на самом деле так. Я даже не говорю – в моральном, нравственном плане, а в чисто финансовом: я раньше зарабатывал колоссальные деньги для государства – кормил филармонию, Росконцерт и прочие организации. Я зарабатывал по 3-4 миллиона рублей в год для государства, получая по 27 рублей 50 копеек за концерт! Я считал это! Я приносил справку в ЦК партии, для того, чтобы мне дали камерную ставку, чтоб я мог зарабатывать по 47 рублей за концерт. Я приносил справку, в которой числилось 38 городов за год, в каждом из которых я работал во дворцах спорта по 15–20 концертов, на которых бывало до 3 миллионов человек! И всю жизнь я работал на свое государство!

– Как Вы думаете, что сегодня необходимо нашему обществу?

– Думаю, что прежде всего – благотворительность, доброта, огромная доброта, милосердие... Где-то я слышал такую фразу, что справедливости не может быть – может быть только милосердие. Но я думаю, что справедливость может и должна быть, но рядом с ней должно идти милосердие. Ведь у нас очень много милосердных людей. Если бы сосредоточить все силы милосердия, мировторчества воедино и понять, что тем, у кого есть – пора делиться с теми, у кого нет (не силой отнимать у богатых – не дай бог!), а делиться по велению сердца – общество стало бы чище и лучше. Поэтому что нельзя, безнравственно жировать, тратить огромные деньги и видеть, что рядом есть обездоленные, у которых не хватает на хлеб. Оно должно появиться естественно, это желание поделиться. Не надо себе строить в Испании особняков – это глупо. Если есть деньги – купи билет, сними пятизвездочный отель и можешь ехать на отдых те же самые два, три раза в год! Это будет в сотни тысяч раз меньше, чем ты потратил на эту виллу, которая там гниет! Это безнравственно – мы сейчас не имеем права покупать виллы за границей, иметь какие-то миллионные счета в банках! Это – безнравственно! Если есть лишние деньги – вкладывай в производство, помогай обездоленным. Это не коммунистическая идея. Это общечеловеческая идея.

Вот если бы сейчас сказали: «Ребята, давайте все соберем, у кого сколько есть, и поможем бедным, на развитие производства и т.д.», я отвечаю за свои слова, что если все отдадут – то я согласен. А отдавать одному... Что может сделать один добрый, щедрый человек? Ну, помочь, двоим, троим... Ну, я, скажем, стараюсь что-то делать для своих музыкантов, друзей, но этого же мало! В принципе, если говорить о каких-то серьезных вещах – то должен быть такой фонд милосердия, и поверьте мне, в нем было бы денег больше, чем в двадцатимиллиардном бюджете нашей страны. Ну что такое 20 миллиардов? Бюджет, который планируют на реконструкцию аэропорта Кеннеди в США составляет 12 миллиардов долларов – больше, чем полбюджета России! А ведь деньги у людей есть! Но дайте им возможность проявить благотворительность, дайте им гарантии, что их благотворительность пойдет по назначению и будет достойно оценена. Помните, как было в Южной Корее в экономический кризис? Все, кто мог, принесли свои сбережения, золото, бриллианты, чтобы помочь стране. Ну неужели нет у нас такого человека, который бы сказал: «Ребята! Ну сколько может наша страна падать? Давайте, поможем ей! Давайте, мы дадим какие-то гарантии, чтобы люди поверили и убедились, что все честно». Ну, неужели нет такого человека, который бы сказал: я это сделаю. Я, Лев Лещенко, это гарантирую!»?

Беседовала Елена ЦЫГАНКОВА

«Нашему обществу необходима благотворительность, огромная доброта, милосердие...»

тем, чтобы сохранить театр как государственный, потому что иначе меня задушат налогами. Наш театр поддерживает очень многих молодых артистов, мы делаем праздники и фестивали, то есть мы готовы министерству культуры принести пользу, я готов даже отчислять ему какие-то деньги. Вот поэтому я вынужден заниматься бизнесом, иначе я задохнусь содержать это все – у меня студия, у меня штат артистов, персонал, и всем этим я занимаюсь сам. У меня нет государственного офиса, государство мне не дало ни квартиры, ни машины, ни студии, ни офиса – тридцать лет я за все плачу собственные деньги. И я плачу налоги. А сейчас хотят, чтобы я платил еще больше. Мы занимаемся благотворительностью,

С женой и другом на даче